

Александр Бирих
Гейдельберг

ФРАНЦУЗСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ XVIII ВЕКА

В историю русского языка XVIII век вошел прежде всего как период интенсивных языковых контактов. Глубокие изменения во всех сферах экономики и общества, связанные с реформами Петра Великого, нашли свое отражение и в языке. Для обозначения многочисленных новых явлений, появившихся в это время, активно использовались заимствования из западноевропейских языков, прежде всего из латинского, немецкого, голландского, французского, английского. Важную роль в обогащении словарного состава русского языка XVIII века сыграли переводы. Тесные контакты с Западной Европой привели к тому, что все больше и больше дворян овладевало иностранными языками. Уже в конце XVIII века большая часть дворянского общества была дву- и даже трехязычной. Кроме французского языка, владение которым для дворян было практически обязательным, в обществе того времени отмечаются знания немецкого и английского языков. Изучение иностранных языков было также необходимо для обучения в Петербургской Академии наук и Московском университете, так как занятия в этих научно-учебных заведениях проводились на латинском и немецком языках. С 40-х годов во время публичных мероприятий все чаще используется французский язык. Не удивительно поэтому, что число заимствований в русском языке XVIII века было очень велико. Е.Э. Биржакова, Л.А. Войнова и Л.Л. Кутина, изучавшие влияние западноевропейских языков на словарный состав русского языка, отмечают, что число заимствований в произведениях XVIII века составляет более 8500 единиц (Биржакова, Войнова, Кутина 1972: 83). В результате в русском языке XVIII века наблюдается смешение различных языковых средств: разговорно-обиходных, церковнославянских (которые в это время в большинстве своем уже воспринимались как чужеродные) и западноевропейских (преимущественно из немецкого и французского языков).

В многочисленных работах, посвященных лексическим заимствованиям в русском языке XVIII века (ср.: Hüttl-Worth 1956; 1963; Kiparsky 1975; Биржакова, Войнова, Кутина 1972; Otten 1985 и др.), фразеологические обороты практически не привлекались в качестве материала исследования. Лишь в 90-е годы XX века появилось несколько статей, рассматривающих заимствования в сфере фразеологии (Mokienko 1993; Otten 2001a; 2001b; 2002). Причиной этого является, по-видимому, тот факт, что фразеологические заимствования, в отличие от лексических, в языке-реципиенте, как правило, переводятся, калькируются и в связи с этим как заимствованные не воспринимаются. К тому же при совпадении фразеологизмов в различных языках далеко не всегда можно говорить о заимствовании; в отдельных языках возникновение идентичных идиоматических выражений может быть объяснено одинаковыми логическими и образно-ассоциативными процессами, совместным опытом, совместным общественным и культурным окружением и т.п. Так, например, независимо друг от друга возникла в европейских языках большая часть соматической фразеологии, ср.:

(1) а) рус. *правая рука кто у кого*; чеш. *pravá ruka*; пол. *prawa ręka*; хорв., серб. *desna ruka*; болг. *дясна ръка*; нем. *jmds. rechte Hand [sein]*; франц. *être le bras droit*; англ. *[to be] smb.'s right hand*; б) рус. *кожа да кости*; чеш. *kost a kůže*; пол. *skóra i kości*; хорв., серб. *kost i koža*; болг. *кожа и кости*; нем. *nur Haut und Knochen*; франц. *il n'a que la peau et les os*; англ. *skin and bone* и др.

Точные соответствия в славянских, германских, романских и других языках имеют и многие фразеологизмы, в основе которых лежат жесты и мимика, ср.:

(2) а) рус. *рвать на себе волосы*; чеш. *rvát si vlasy*; пол. *rwać sobie włosy*; хорв., серб. *čupati sebi kosu*; болг. *скубя си косите (косата)*; нем. *sich die Haare raufen*; франц. *s'arracher les cheveux*; англ. *tear one's hair*; б) рус. *пожимать плечами*; чеш. *krčít ramena*; хорв., серб. *slegnuti / slijegati ramenima*; болг. *вдигам / вдигна рамене*; нем. *die Achseln zucken*; франц. *hausser les épaules*; англ. *shrug one's shoulders* и др.

Многочисленные соответствия в родственных и неродственных языках можно найти также для фразеологических оборотов, образной основой которых является поведение животных, ср.:

(3) а) рус. *как кошка с собакой*; чеш. *jako kočka i pes*; пол. *jak pies z kotem*; хорв., серб. *kao pas i mačka*; болг. *като куче и котка*; нем. *wie Hund und Katze*; франц. *comme chien et chat*; англ. *(fight [quarrel] like cat and dog)*; б) рус. *навострить уши*; чеш. *natáhnout (nastražit) uši*; хорв., серб. *načuliti uši*; нем. *die*

Ohren spitzen; англ. *prick up one's ears*; франц. *pointer les oreilles*; итал. *tendere l'oreccio*; лат. *arrigere aures* и др.

Отграничение фразеологических заимствований от параллельных образований требует, следовательно, тщательного анализа языкового материала и специальной методики (ср. также Mokienko 1993: 352), а именно:

(а) во-первых, необходимо выяснить, не содержатся ли в заимствованных фразеологизмах формальные элементы языка-источника. С большей степенью уверенности можно установить заимствованный характер фразеологизма в гибридных образованиях (полукальках), содержащих как чужеродные, так и собственные языковые элементы. В русской фразеологии XVIII века эта группа фразеологизмов встречается довольно часто, ср.: *дать абшид кому* 'отказать кому-л. в чем-л.' (нем. *den Abschied geben*), *строить (делать) куры (кур) кому* 'ухаживать за кем-л.' (франц. *faire la cour*), *дать карт-бланш кому* 'предоставить кому-л. полную свободу действий' (франц. *donner carte blanche à quelqu'un*) и др.

На заимствованный характер фразеологических оборотов могут также указывать следующие признаки:

1) Отклонения от предложного управления фразеологических компонентов. Во фразеологизме *плясать по дудке чьей* 'безоговорочно подчиняться кому-л. во всем' (см. 4а) глагол *плясать* употребляется по немецкому образцу с предлогом *по* (ср.: *nach jmds. Pfeife tanzen*); обычным было бы употребление с предлогом *под*, ср.: *плясать под музыку*. Уже в XIX веке предлог *по* был заменен предлогом *под*; нормативной считается сегодня лишь последняя форма: *плясать под дудку чью* (см. 4b):

(4а) [Макар:] У меня такой нрав, что жена должна *по моей дудке плясать*, хотя бы то и головы ей стоило (Соколов, *Выдуманный клад*); б) — А ты так поверни, чтобы Володѣрову и на разум не пришло, что он *под твою дудку пляшет*, — молвил Марко Данилыч (Мельников-Печерский, *На горах*).

2) Необычная лексическая сочетаемость фразеологических компонентов. К этой группе относятся фразеологические обороты типа *делать честь кому* 'оказывать уважение, удостоивать внимания' (франц. *faire honneur*), *из фундамента сердца* 'из глубины сердца (души)' (нем. *aus dem Grunde seines, ihres usw. Herzens*), *быть (сидеть) не в своей тарелке* 'быть не в обычном состоянии; чувствовать себя неловко, стесненно' (франц. *il n'est pas dans son assiette*), *убивать время* 'бесцельно проводить время' (франц. *tuer le temps*) и др.

(b) Во-вторых, необходимо как можно точнее установить время заимствования, чтобы исключить влияние других языков, в которых также имеется подобный фразеологизм. Выражение *строить воздушные замки* 'предаваться несбыточным мечтам' рассматривается в русской фразеологии как калька французского оборота *bâtir des châteaux en Espagne* (ОЭСРФ 1987: 141; Ашукин, Ашукина 1987: 55). Этот фразеологизм отмечен, однако, уже в первой половине XVIII века (WL 1731: 541) и может поэтому однозначно интерпретироваться как заимствование из немецкого языка, так как влияние французского языка в этот языковой период было незначительным. В пользу немецкого влияния свидетельствует и полное совпадение компонентного состава, структуры и значения русского и немецкого оборотов (нем. *Luftschlösser bauen*). Фразеологизм *разбить наголову* 'разбить полностью, окончательно (противника, армию и т.п.)', который считается германизмом (ОЭСРФ 1987: 121; Eckert, Günther 1992: 143), не может, напротив, быть заимствованным из немецкого языка, так как его первое употребление в форме *побити наголову* датируется уже началом XVII века (см. 5), влияние же немецкого языка отмечается только с начала XVIII века, т.е. с Петровского времени. Следовательно, оба фразеологизма необходимо рассматривать как параллельные образования.

(5) Михаило воевода Молдавскую землю зашел а супротивных своих *наголову побил*. Куранты, 23. 1600 г. (СлРЯ XI-XVII, 10: 54).

(c) В-третьих, необходимо установить ареал употребления заимствованного фразеологизма. Для ареального анализа особенно важны материалы диалектов, так как диалектное употребление указывает, как правило, на исконный характер фразеологической единицы. Кроме того, необходимо выяснить, имеются ли в других славянских языках соответствия к рассматриваемому выражению. Конечным пунктом ареального анализа служат западноевропейские языки, в особенности французский и немецкий, оказавшие сильное влияние на русский язык. В качестве примера можно привести сравнение *рассуждать о чем как слепой о красках*, которое датируется первой половиной XVIII века. Его первое употребление встречается уже в Вейсманновом Лексиконе 1731 г.:

(6) Urtheilen, wie ein Blinder von der Farbe, coecus de coloribus, слепо рассуждати, так рассуждати *как слепыи о цветах или красках* (WL 1731: 101).

Помимо Лексикона Вейсмана сравнение фиксируется в собраниях В. Н. Татищева (1736) и А.И. Богданова (1741) в форме *как слепой*

о красках рассуждает и рассуждает как слепой о красках (ППЗ: 54; 61; 86). Словарная статья в Вейсманновом Лексиконе заставляет предположить, что рассматриваемое сравнение является калькой соответствующего немецкого оборота *reden (urteilen) wie ein Blinder von der Farbe* 'о крайне некомпетентной оценке, непрофессиональных суждениях о чем-л.'. Об этом свидетельствует тот факт, что переводчик использует в русской форме сравнения два варианта для слова *Farbe*: *цвета* и *краски*, так как он, по-видимому, не был уверен, какое из этих значений реализуется в этом фразеологизме. Этот прием указывает на то, что сравнение *рассуждает как слепой о красках* в то время еще не было устойчивым. Характерно также, что сравнение стоит после исконно русского эквивалента *слепо разсуждати*. В немецком языке выражение *reden wie ein Blinder von der Farbe* отмечено уже в XVI веке (Röhlich 1991, 1: 416), что также служит дополнительным аргументом в пользу заимствованного характера русского сравнения. Кроме русского, фразеологизм *рассуждать о чем как слепой о красках* фиксируется в чешском языке (*mluvit o čem jako slepý o barvách*), в котором он также рассматривается как заимствование из немецкого языка. В русских диалектах это устойчивое сравнение не употребляется.

Предложенная методика анализа заимствований используется в настоящей статье для выявления фразеологических галлицизмов в русском языке XVIII века.

С середины XVIII века влияние немецкого языка сменяется французским, которое во второй половине и к концу XVIII века все более усиливается. Своего апогея оно достигает в начале XIX века, когда светская жизнь полностью перешла на французский лад и русское дворянство было практически французскоязычным. Поскольку воспитатели дворянских детей были французами, и русский язык дети слышали только от своих мамок, то большая часть русского дворянства с трудом могла объясняться на родном языке. С. Порошин, воспитатель будущего императора Павла I, сообщает в своих мемуарах (1764-1766) о беседе со своим воспитанником, в которой разговорная речь русских дворян характеризуется следующим образом:

Иные русские в разговорах своих мешают столько слов французских, что кажется будто говорят французы и между французских слов употребляют русские. Также говорили, что иные столь малосильны в своем языке, что все с чужестранного от слова до слова переводят и в речах и в письме (Порошин, *Записки*).

Такая распространенность французского языка привела к тому, что русские писатели второй половины XVIII века употребляли в своих

произведениях значительное число калек французских фразеологизмов, многие из которых до сегодняшнего дня сохранились в русском языке. «Галломания» русского дворянства доходила до того, что даже ошибочные переводы французских фразеологических оборотов закреплялись в русском языке. В качестве примера можно привести выражение *быть (сидеть) не в своей тарелке* ‘быть не в обычном состоянии; чувствовать себя неловко, стесненно’, основой которого послужило франц. *n’être pas dans son assiette*. Во французском фразеологизме компонент *assiette* означает, однако, не ‘тарелка’, а ‘седло’. Прямое значение этого выражения можно, таким образом, интерпретировать как ‘сидеть не крепко, неуверенно в седле’. Несмотря на эту ошибку, оборот *быть (сидеть) не в своей тарелке* часто употреблялся в произведениях XVIII века (ср. 7), причем эта частотность сохранилась и в современном русском языке.

(7) [Жеманиха:] Ах! как я *не в своей тарелке!* (Хвостов, *Русский парижанец*);
Э кстати, сударыня, сказать ли вам новость? вить я влюблен в вас до дурачества: вы своими прелестями так вскружили мне голову, что я *не в своей сижу тарелке* (Новиков, *Живописец*).

Ошибочные переводы фразеологических единиц были в то время нередкостью. В словаре русского языка XVIII века (СлРЯ XVIII, 8: 246) приводится, например, выражение *игра не стоит мерзляка (сосульки)* ‘затрачиваемые на что-л. усилия, средства не оправдываются, не окупаются’ (ср. 8а), восходящее к франц. *la jeu n’en vaut pas la chandelle*. Французская лексема *chandelle* действительно имеет значение ‘сосулька’, но не в фразеологизме *la jeu n’en vaut pas la chandelle*, в котором речь идет о карточной игре, выигрыш в которой меньше затрат на свечи. В корректной форме *игра не стоит свеч* это выражение употребляется и сегодня (ср. 8б):

(8) а) Эта *игра мерзляка, сосульки не стоит*; это дело труда недостойно. ЛВ¹ I 407. (СлРЯ XVIII, 8: 246); б) Крохин заметно растерялся [...], задумался, как будто решал, *стоит ли игра свеч* (Черненко, *Кухтеринские миллионы*).

Кальки французских фразеологизмов могут быть распределены по их семантике на следующие группы:

(а) выражения, называющие эмоциональные состояния человека: *иметь зуб на кого* ‘испытывать недовольство кем-л., неприязнь к кому-л.’ (франц. *avoir une dent contre qn.*), *делать дурную кровь кому* ‘приводить кого-л. в плохое настроение, вызывать недовольство у кого-л.’ (франц. *faire du mauvais sang*), *раздирать душу кому* ‘вызывать душевные страдания у кого-л.’ (франц. *déchirer l’âme*) и т.п., ср.:

(9) Письмо ваше... *наделало мне много дурной крови*. Псм Капн. 454. (СлРЯ XVIII, 11: 30); [Муж:] Но ты себя изнуряешь слезами... Ты *раздираешь мою душу* (Кокоскин, *Поход под шведа*).

(b) Выражения, называющие физические состояния человека: *быть в булавке, булавка в голове бродит у кого, иметь булавку в голове, получить булавку в голову* ‘быть в легком опьянении’. Словарь русского языка XVIII века (СлРЯ XVIII, 2: 162) с определенной долей осторожности (с вопросительным знаком) связывает эти фразеологизмы с англ. *to be on a merry pin, to be in the pin*. Осторожность авторов словаря более чем оправдана, так как английский язык в 70-х годах XVIII века (время, которым датируются примеры в словарной статье) в России практически еще не был распространен. Языковая ситуация того времени заставляет поэтому обратиться к французскому языку как возможному источнику заимствования. Русские выражения с компонентом *булавка* связаны, по-видимому, с французским фразеологизмом *avoir sa pointe* (ср. также: *avoir une pointe de vin* или *être en pointe de vin*), имеющим такую же образную основу (буквально «иметь булавку») и такое же значение (‘быть в легком опьянении’). *Pointe* ‘булавка, иголка, острие’ выступает во франц. *avoir sa pointe* в качестве символа ‘небольшого количества <алкоголя>’ (ср. немецкий устаревший оборот *einen Spitz haben* «иметь острие» ‘быть в легком опьянении’, который также является калькой французского *avoir sa pointe*). Варианты русского выражения возникли в результате контаминации калькированного оборота *иметь булавку* с фразеологизмами *хмель в голове бродит* (отсюда *булавка в голове бродит*) или *быть во хмелю* (отсюда *быть в булавке*), также имеющими значение ‘быть в состоянии опьянения’, ср.:

(10) <Офицер> *имел* тогда в *голове* изрядную *булавку*. АП 139. (СлРЯ XVIII, 2: 162); По невоздержности его, не утерпит он, чтоб и при сем случае не наполнить головы своей винным чадом; и знали, что нужно ему *получить* только *булавку в голову*, как делался он своенравен, упрям и несговорчив (Болотов, *Жизнь и приключения*).

(c) Выражения, описывающие внешность или возраст человека: *как две капли воды* <*походить, быть сходными*> ‘совершенно, очень сильно (быть похожим, схожим и т.п.)’ (франц. *comme deu gouttes d’eau*), *во цвете лет кто* ‘о человеке в пору расцвета физических и духовных сил’ (франц. *à la fleur de l’âge*) и др., ср.:

(11) Нас две сестры; мы в одну минуту родились, и сходны между собою *как две капли воды*, так что никто не может нас распознать. Хр. бес II 202. (СлРЯ XVIII, 9: 247); Что сие (помышляла я)! виновный существует, а безвинна *в цвете лет* лишается бытия своего. Захарьев. Афрахсад, III. (Палевская 1980: 352).

(d) Выражения, описывающие действия человека: *заплатить (отплатить) тою же монетою кому* ‘отплатить тем же самым, тем же поступком, отношением’ (франц. *rendre à qn. la monnaie de la pièce*), *строить (делать) куры (дворики) кому* ‘ухаживать за кем-л.’ (франц. *faire la cour*), *делать глазки кому* ‘кокетничать с кем-л.’ (франц. *faire de l'œil*) и др., ср.:

(12) [Мавра:] Но, чур, не жить с ней по моде; берегитесь, и вы будете *заплатены тою же монетою*, как и другие (Екатерина II, О время!); Пусть ученый человек [...] начнет при мне *строить дворики*, то я его так проучу, что он от всякой щеголихи тотчас на четырех ногах поскачет (Новиков, Живописец).

Русские кальки французских фразеологизмов в большинстве своем точно следуют своим прототипам (ср. 13а): *для чьих прекрасных глаз* ‘из одной симпатии к кому-л., даром, бескорыстно [делать что-л.]’ (франц. *pour les beaux yeux de qn.*), *встать левой ногой* ‘быть в мрачном, дурном настроении, в раздраженном состоянии’ (франц. *se lever du pied gauche*), *после ужина горчица* ‘о чем-л. полученном с опозданием, когда в этом отпала надобность’ (франц. *après le dîner la moutarde*) и др. В то же время у целого ряда фразеологизмов все же наблюдаются отклонения от компонентного состава, структуры и формы прототипа: а) некоторые компоненты французского оборота при переводе не учитываются и просто опускаются (обычно местоимение *son* и т.п.): *убивать время* ‘тратить время бесполезно и бесцельно’ (франц. *tuer son temps*); б) постпозитивное существительное в родительном падеже заменяется препозитивным прилагательным: *аптекарский счет* ‘чрезмерный, слишком дорогой счет’ (франц. *compte d'apothicaire*); в) существительное в единственном числе заменяется существительным во множественном числе: *игра не стоит свеч* ‘затрачиваемые на что-л. усилия, средства не оправдываются, не окупаются’ (франц. *la jeu n'en vaut pas la chandelle*); г) глагол в калькированном фразеологизме употребляется с предлогом: *указать на дверь* (сначала также: *указать дверь*) ‘выгонять, требовать, чтобы кто-л. ушел, удалился и т.п.’ (франц. *montrer la porte*); ср. (13б):

(13а) [Фекла:] Пустое; знать с утра ты *левой встал ногою*, Что голову набил такою чепухою (Капнист, *Ябеда*); б) Не знаю, продаются ли в Цирихе карты; по крайней мере в них здесь никогда не играют и не знают сего прекрасного средства *убивать время* (простите мне этот галлицизм) (Карамзин, *Письма русского путешественника*).

Рассмотренный материал показывает, что русская фразеология XVIII века испытала сильное влияние французского языка. В отличие от

церковнославянских заимствований, которые перенимались в русский язык в своем оригинальном материальном составе, французские фразеологизмы, как правило, переводились, калькировались и поэтому часто даже не осознавались как заимствования. В связи с этим их чрезвычайно трудно отграничить от параллельных образований, возникших непосредственно в русском языке. Выявлению заимствований способствуют прежде всего формальные элементы языка-источника, сохранившиеся во фразеологизме (чужеродные компоненты, необычная сочетаемость и т.п.). Помимо чужеродных элементов о заимствованном характере фразеологизма свидетельствует ареал его распространения: чем чаще фразеологизм встречается в славянских и западноевропейских языках, тем вероятнее его заимствованный характер. Для XVIII века при этом чрезвычайно важна дата его фиксации: если в первой половине XVIII века преобладало немецкое влияние, то для второй половины характерно влияние французского языка. Для фразеологизмов, употребляющихся как в немецком, так и во французском языках, не всегда возможно поэтому установить, какой из этих языков сыграл роль посредника, так как в XVII–XVIII веках немецкий язык также находился под сильным французским влиянием. Нельзя исключить поэтому, что значительная часть французских фразеологизмов проникла в русский язык и через посредство немецкого языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Н.С. Ашукин, М.Г. Ашукина: *Крылатые слова*. Изд. 4, дополненное. Москва 1987.
- Е.Э. Биржакова, Л.А. Войнова, Л.Л. Кутина: *Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования*. Ленинград 1972.
- ОЭСРФ = Н.М. Шанский, В.И. Зимин, А.В. Филиппов: *Опыт этимологического словаря русской фразеологии*. Москва 1987.
- М.Ф. Палевская: *Материалы для фразеологического словаря русского языка XVIII века*. Кишинев 1980.
- ППЗ = *Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков*. Москва-Ленинград 1961.
- СлРЯ XI–XVII = *Словарь русского языка XI–XVII веков*. Вып. 1–25. Москва 1975–2000.
- СлРЯ XVIII = *Словарь русского языка XVIII века*. Вып. 1–14. Санкт-Петербург (Ленинград) 1984–2004.
- R. Eckert, K. Günther: *Die Phraseologie der russischen Sprache*. Leipzig-Berlin-München-Wien-Zürich-New York 1992.
- G. Hüttl-Worth: *Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII. Jh.* Wien 1956.
- G. Hüttl-Worth: *Foreign Words in Russian. A historical sketch. 1550–1800*. Berkeley and Los Angeles 1963.
- V. Kiparsky: *Russische historische Grammatik. Bd. III. Entwicklung des Wortschatzes*. Heidelberg 1975.

- V.M. Mokienko: *Phraseologische Germanismen im Russischen*. „Zeitschrift für Slawistik“, 38 (3). Berlin 1993, c. 346-360.
- F. Otten: *Untersuchungen zu den Fremd- und Lehnwörtern bei Peter dem Großen*. Köln-Wien 1985.
- F. Otten: *Zu einigen russischen Phraseologismen des 17./18. Jahrhunderts (I)*. „Zeitschrift für Slawistik“, 46 (3). Berlin 2001a, c. 281-307.
- F. Otten: *Zu einigen russischen Phraseologismen des 17./18. Jahrhunderts (II)*. „Zeitschrift für Slawistik“, 46 (4). Berlin 2001b, c. 418-442.
- F. Otten: *Russische Phraseologie im europäischen Kontext*. „Zeitschrift für Slawistik“, 47 (3). Berlin 2002, c. 344-362.
- L. Röhrich: *Das große Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten*. Bd. 1-3. Freiburg/Basel/Wien 1991-1992.
- WL 1731 = *Teutsch=Lateinisch= und Rußisches Lexicon*. Sankt Petersburg 1731 (= Specimina Philologiae Slavicae, 46-47).

Alexander Bierich

FRENCH BORROWINGS IN THE RUSSIAN PHRASEOLOGY OF THE 18TH CENTURY

Summary

The present article is devoted to different types of French phraseological borrowings in the Russian language of the 18th century. Lexical borrowings mostly preserve their material content in the borrowing language, whereas phraseological units as a rule become loan-translations. Due to this fact it is complicated to prove whether the given phraseological unit is a borrowing or not. The present article suggests a methodology for differentiation of phraseological loan-translations from the parallel idiomatic units that appeared directly in the borrowing language. On the basis of the suggested methodology the author determines the structure of French borrowings in the Russian phraseology of the 18th century.

Alexander Bierich

ZAPOŻYCZENIA FRANCUSKIE WE FRAZEOLOGII ROSYJSKIEJ XVIII WIEKU

Streszczenie

Artykuł poświęcony jest różnym typom francuskich zapożyczeń frazeologicznych dokonanych przez język rosyjski wieku XVIII. Pożycзки leksykalne zazwyczaj zachowują w języku zapożyczającym swą obcą postać formalną, podczas gdy pożyczki frazeologiczne zwykle są dosłownymi kalkami w języku-biorcy, dlatego też często trudno jest określić, czy dane wyrażenie jest w tym języku zapożyczeniem, czy nie. Autor proponuje metodę odróżniania kalk frazeologicznych od związków wyrazowych stworzonych niezależnie w języku-biorcy. Opierając się na tej metodzie, autor określa strukturę zapożyczeń francuskich w rosyjskiej frazeologii wieku XVIII.